ФИЛОСОФИЯ

УДК 297.1

DOI: 10.21779/2500-1930-2021-36-1-91–98

М.Я. Яхьяев

«Женский шахидизм» как военно-политическое превращение исламского феномена

Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; mughtar59@mail.ru

В статье рассматриваются «женский шахидизм» как разновидность шахидизма и особенности военно-политических превращений исламских феноменов.

Установлено, что вожди-вдохновители терроризма по всему миру преднамеренно придают превращенные формы многим исламским явлениям, в которых они на основании трансформации, искажающей действительную сущность исходного феномена, приобретают новое содержательное качество и ведут самостоятельное существование. Одним из таких религиозных феноменов современности и является «женский шахидизм» как военно-политическое и террористическое превращение исламского шахидства. В своей превращенной форме «женский шахидизм» приобретает новое качество, где собственно исламское содержание предельно «сжато» и вытеснено на периферию. Но наличие в нем в *снятой* форме религиозных моментов позволяет многим террористическим организациям по всему миру представлять его как исламское явление, используемое в качестве средства решения исключительно военно-политических вопросов, далеких от исламской религии.

В статье также прослеживаются условия и причины, по которым женщины превращаются в «живые бомбы», осмысливается мотивация их суицидального поведения. Основными мотивами самоубийственного поведения женщин-смертниц являются стремление участвовать в борьбе за национальное освобождение; желание отомстить за близкого человека, погибшего в ходе вооруженного конфликта; стремление вырваться из сферы личной и обрести равноправный с мужчиной гражданский статус; желание искупить совершенные грехи, караемые с точки зрения шариата; воздействие наркотиков, манипуляция или индоктринация; экономическая мотивированность, упование на получение ее семьей определенной компенсации. Мотивация поведения женщины-смертницы находится далеко за гранью религиозного, в ней нет ничего собственно исламского, и это становится основной особенностью содержания «женского шахидизма» как военно-политической формы превращения исламского феномена. Всё это позволяет утверждать, что *женский шахидизм* – это превращенная форма исламского шахидства, из которого выхолощена собственно исламская сущность.

Ключевые слова: *ислам, шахидство, шахидизм, терроризм, «живая бомба».*

Одной из популярных тем современности, по которой накопился солидный массив публикаций, правда, не столько научного, сколько публицистического и комментаторского характера, является проблема шахидства и шахидизма в исламе. В большинстве этих публикаций шахидство и шахидизм сопрягаются с войнами, террором, «живыми бомбами», суицидальным поведением и т. п. негативом. В научном исламоведении этот религиозный феномен все еще остаётся рационально не осмысленным и не выраженным в понятийной форме, поэтому адекватное представление обозначенной проблемы потребует от нас разъяснения некоторых исходных понятий. Глубинная сущность понятия «джихад», проявляется в сосредоточении сознания, воли, желаний, усилий каждого верующего и всей уммы в целом на пути укрепления веры в Единого Аллаха, на защите и распространении этой веры, а также подчинении личной и общественной жизни всем правилам и требованиям исламской религии. Из такого понимания сути джихада следует то, что он не может и не должен сводиться исключительно к газавату как священной войне, которую при определенных условиях должны вести мусульмане против иноверцев или неверующих.

Другое понятие – это шахид. Шахидом ислама становится тот мусульманин, который уже обменял свою земную жизнь на вечное существование на пути джихада. На посмертный статус шахида в исламе может претендовать только тот верующий, который в сложившихся конкретных условиях, по объективной необходимости, оказался готовым пожертвовать своей жизнью, но при этом важно то, что он сознательно не искал смерти и не обрекал на смерть других людей. Преследование каких-либо экономических, финансовых, политических, коммерческих, иных меркантильных целей и ценностей, смерть в погоне за мирскими благами не является шахидством и не возносит усопшего в ранг шахида. Здесь важно и то, что террорист-смертник ни при каких условиях не может претендовать на статус шахида по той простой причине, что уже одной только своей смертью, не говоря об убийстве других людей, случайных жертв теракта, он не только не укрепляет веру, не способствует улучшению или увеличению уммы, а, напротив, расшатывает и ослабляет умму, отвращает людей от ислама.

Сущность таких исламских явлений, как джихад или шахидство, находит свое проявление в самых различных формах и видах. Наибольший интерес представляет одна из превращенных форм проявления шахидизма – *женский шахидизм*. Категория «превращенная форма» используется в диалектической методологии для обозначения социальных отношений, в которых форма их существования приобретает самостоятельное значение, обособляется от исходного содержания, замещающегося трансформированными отношениями. Превращенная форма приобретает качества, которые отличаются от исходных и которые выступают вне связи с подлинной сущностью явления. В результате место адекватной сущности формы проявления занимает квазиявление, существующее вполне объективно, дискретно и самостоятельно. Спецификой превращенной формы, таким образом, становится новая «содержательная» роль, основанная на искажении действительной сущности.

Превращенная форма существует как новая онтологическая реальность, особенность которой заключается в том, что она предстает продуктом искажения внутренних отношений сложной системы, происходящего на определенном ее уровне и скрывающего их фактический характер и прямую взаимосвязь косвенными выражениями. Отличительная черта превращенной формы состоит в объективной устраненности изначальных содержательных моментов: форма проявления получает самостоятельное «сущностное» значение, обособляется, и содержание заменяется в явлении иными от-

ношениями, которые занимают место действительных отношений. И эта видимая форма действительных отношений, отличная от их внутренней связи, начинает играть роль самостоятельного механизма в реальных процессах, а связи действительного происхождения оказываются *снятыми* в ней. Особенностью превращенной формы является действительно существующее извращение исходного содержания или такая его переработка, что оно становится неузнаваемым. Но сама эта косвенная фигурация выступает как вполне самостоятельный, отделенный в пространстве и времени предмет. В своем самостоятельном существовании превращенные формы – это такие же абсурды, как и жареные логарифмы, но, в отличие от последних, они – часть нашей реальности.

На основе сказанного мы можем сделать вывод, что превращенная форма исламского явления – это форма существования, которая искажает, восполняет и замещает исламское содержание и в которой исходные, собственно исламские звенья «сжимаются» в особое состояние и порождают новое качество, новую действительность. И такие формы уже ведут самостоятельную, не связанную с исламом жизнь, но продолжают восприниматься общественным сознанием как реально исламские феномены. В качестве таких превращенных форм исламских феноменов можно привести исламизм, джихадизм, шахидизм и др.

Первые проявления женского шахидизма как превращенной формы мы находим в религиозных процессах двух последних десятилетий прошлого столетия, когда самые различные военно-политические организации по всему миру стали активно вовлекать в свою террористическую деятельность женщин в качестве «живых бомб». Так, первая известная акция с участием женщины-смертницы была проведена 9 апреля 1985 года, когда ливанка Сана Хайадали на грузовике с взрывчаткой подорвала израильский военный конвой. Другим громким проявлением женского терроризма стало убийство Раджива Ганди смертницей тамильского повстанческого движения «Тигры освобождения Тамил-Илама» в 1991 году. За последующее десятилетие, по различным данным, по всему миру было проведено около 240 террористических атак, почти 40 % которых (по мнению отдельных авторов, – до 70 %) были осуществлены женщинами-смертницами [10].

Оккупация Ирака США и их союзниками в середине 2000-х гг. привела к небывалому всплеску терроризма с использованием «живых бомб». Так, только в 2005 году было совершено 478 акций смертников, а в 2007 – 442. Всего в Ираке за пять лет террористы-смертники провели около 1700 террористических акций. Подобная же террористическая активность с 2006 года наблюдалась и в Афганистане, где в среднем ежегодно происходило примерно по 140 акций, проводимых смертниками, среди которых выделялись женщины [5, с. 11].

В это же время тактика использования женщин-смертниц для проведения террористических акций получила широкое применение и в Палестинской организации «ХАМАС». Так, 14 января 2004 года 22-летняя Рим аль-Рейяши, которая оставила дома 3-летнего сына и годовалую дочь, произвела у израильского блокпоста самоподрыв 5-килограммового взрывного устройства, начиненного болтами и гайками. С тех пор именно Палестина стала ассоциироваться в мировых средствах массовой информации с терроризмом женщин-смертниц. В силу того что иракские, афганские и палестинские смертницы были мусульманками, в политико-публицистическом обороте широкое распространение получили термины, напрямую увязывающие самоубийственные акции, проводимые женщинами, с исламской религией: «женский шахидизм», «шахидки», «исламские смертницы», «невестки Аллаха», «черные вдовы» и т. п.

В новом тысячелетии террористические акции, проводимые женщинами-смертницами, произошли уже почти в двух десятках стран мира, в том числе и в России. Так, женщиной-смертницей, которая первой в России произвела самоподрыв, обычно называется Хава Бараева, подорвавшая в июне 2000 года 27 военнослужащих российских частей специального назначения. В массовом порядке женщины-«живые бомбы» в России проявили себя в 2002 году. Среди террористов, захвативших Дом культуры на Дубровке в Москве, было 18 смертниц. По некоторым данным только с июля 2000 года по май 2005 года смертницы участвовали в 22 из 27 террористических акциях, совершенных на территории России. С. Чудинов долю женщин среди «живых бомб» в России оценивает в 43 % (47 из 110 человек) [8, с. 65]. По другим данным количество взрывов, осуществленных женщинами-смертницами в тот период, составляло 3 % от общего количества совершенных терактов, но на них приходилось 48 % всех жертв террористических акций [6].

Такое распространение практики женского суицидального террора требует объяснения ее природы, идейных оснований, мотивации, особенностей психологии и т. д. Тем более что даже в самих исламистских террористических организациях появились расхождения в вопросе о ее допустимости с точки зрения ислама и шариата. Многие авторитетные мусульманские правоведы обратили внимание на то что женщина не может не то, что быть смертницей, она не имеет даже права появляться на улице одна, без сопровождения мужчины – мужа или родственника. Еще в 1996 году авторитетный исламский теолог, ливанский шейх Обейд заявлял: «Ислам запрещает женщинам участвовать в джихаде за исключением случаев самообороны и тогда, когда отсутствуют мужчины. В присутствии же мужчин джихад женщинам не разрешен» [2].

Имам итальянской мусульманской общины шейх Абдул Хади Палачи говорит: «Что касается женщины, то ее грех самоубийства по сравнению с мужчиной удесатеряется, ибо, идя на смерть, она лишает милосердия и милости Всевышнего не только себя, но и всех своих родных по женской линии» [1, с. 129]. Подобные высказывания различных авторитетных деятелей ислама находятся в русле позиции исламской ортодоксии, однозначно запрещающей использование женщин в качестве «живых бомб» и осуждающей любые осознанные самоубийства. Ведь по исламу самоубийца не может претендовать не только на попадание в рай, он не может быть даже похоронен на кладбище рядом со своими родственниками.

К использованию женщин-самоубийц как средству достижения каких бы то ни было целей негативно относится не только исламская религия, но и традиционная культура многих народов мира. Место женщины в обществе и ее функции как хранительницы домашнего очага строго зафиксированы и в предписаниях ислама, и в нормах обычного права, и в адатах и традициях народов. Иначе говоря, самоубийственные акции, проводимые террористами – как мужчинами, так и женщинами – находятся не только вне религии, но и вне традиционной культуры. Но почему же тогда так называемый «женский шахидизм» как практика использования женщин-самоубийц для проведения террористических акций получила и в мире, и у нас в России столь широкое распространение?

Ответ на этот вопрос и подводит нас к пониманию женского шахидизма как превращенной формы исламского явления, как военно-политического феномена, нацеленного на решение задач, далеких от религии Аллаха. И такое превращение осуществляется не только усилиями радикальных исламистов, стремящихся использовать в своих политических целях отдельных мусульман. Подобная трансформация происходит еще и стараниями некоторых представителей западной исламистики, изначально враждебно

настроенной ко всему исламскому. Но в любом случае важно то, что превращение шахидства в шахидизм осуществляется путем искажения многих положений Корана и Сунны, игнорирования духа ислама, его установок на то, что забота о своей жизни, как и о жизни других людей, является важнейшим предписанием религии. Ислам всегда осуждал как самоубийства, так и лишение жизни другого человека, квалифицируя их как тягчайший грех, сравнимый с ширком, то есть нововведениями.

В этом плане показательна позиция руководителей организаций ХАМАС и «Исламский джихад», которые первоначально были категорически против того, чтобы женщины участвовали в насильственных действиях, так как традиционная роль женщины включает в себя роль матери и жены, они должны оставаться дома, носить исламскую одежду, не появляться на людях без сопровождения. Но уже в 2002 г. Ясир Арафат в своей знаменитой речи «Армия роз» стал призывать женщин наравне с мужчинами бороться против Израиля. В тот же день палестинка Вада Идрис стала смертницей [12, с. 4].

Подобную же трансформацию претерпела и позиция духовного лидера ХАМАС шейха Ахмеда Ясина, который раньше осуждал акции с участием женщин-смертниц, но уже в 2004 году заявил об акте женского террора как о «значительном шаге вперед в развитии нашей веры», добавив: «Так как мужчины встречают больше препятствий, мы решили использовать женщин, которым легче достичь намеченных целей» [9]. Он же предложил и вовсе нерелигиозное оправдание жертвенного поведения женщин. По его мнению, мусульманки, принимающие решение стать «живыми бомбами», вовсе «не нуждаются в религиозных правилах для совершения самоубийства» [1, с. 130].

Изменения в оценках женского терроризма произошли и с известным исламским теологом Юсуфом Кардави, который заявил: «Женщина призвана участвовать в джихаде точно так же, как и мужчина... Я думаю, что у женщины есть право на свою роль в джихаде, как и на то, чтобы она добровольно приняла мученичество» [11].

Как видим, исламисты не только вовлекают женщин в террористический джихад, представляя его как вооруженную борьбу с неверными, обещая им райские блага еще до Судного дня, но и тут же позволяют себе откровенничать об излишности каких-либо религиозных правил, регламентирующих суицидальное поведение женщин.

Таким образом, предпринимаемые теоретиками терроризма усилия по обоснованию правомерности и оправданности вовлечения женщин в качестве смертниц в террористическую практику стали фундаментальными причинами появления и распространения «женского шахидизма» как превращенной формы исламского явления. Шокирующие акции, совершаемые смертницами, имеют своей целью не решение религиозных вопросов, а оказание психологического давления на органы власти, порождение массовых социальных страхов и ужасов, способствующих, по мнению их организаторов, деморализации противника и склоняющих его к выгодному для вдохновителей терроризма компромиссу. Тем более что средства массовой информации уделяют в восемь раз больше внимания терактам, в которых участвуют женщины, чем тем, что совершены только мужчинами [4, с. 100]. Благодаря такой публичности, которая легко обеспечивается использованием возможностей современных информационных технологий, организаторы акций смертников нередко достигают своих целей. Объектами же атак женщин-смертниц чаще всего оказываются наиболее слабо защищенные места современного общества: больницы, школы, детские сады, дома культуры, вокзалы, подземные переходы, частные домовладения и пр.

Каковы же непосредственные причины, которые заставляют оболваненных террористической пропагандой женщин становиться «живыми бомбами»? Очевидно, что

религиозная вера не может быть такой причиной уже потому, что ислам осуждает любое самоубийство. Среди причин распространения проявлений «женского шахидизма» экспертами чаще всего называются простота подготовки акций с использованием женщин-смертниц, легкость проникновения смертницы на место совершения самоподрыва, отсутствие необходимых затрат на планирование путей отхода, на обеспечение отхода от места совершения терактов и т. п. А если к этому прибавить героизацию смертницы, тиражирование в СМИ и СМК ее образа как мученицы веры, то становится понятной привлекательность проведения таких акций и для вождей-вдохновителей терроризма, и для организаторов акций смертниц, и для самих смертниц.

Для организаторов акций смертниц «живые бомбы» – это товар однократного использования, когда решается самый сложный для организаторов вопрос: как подготовить пути отступления и покинуть место совершения подрыва. А то, что женщинам легче, не привлекая внимания, добраться до места совершения акции и тем самым обеспечить внезапность, неожиданность, позволяет расширить практику их применения в террористических атаках, пусть даже и вопреки традиционным мусульманским запретам. А. Артюшкин указывает еще и на то, что почти все смертницы, совершившие теракты в России, находились под воздействием психотропных препаратов, а фанатичная религиозная составляющая у террористок-смертниц если и присутствует, то лишь в малой степени [1, с. 136].

Во многом идентичны и психологические особенности женщин-смертниц, выделяемые исследователями. Они отдают себе отчет в том, что идут на смерть, более того, личная смерть для них становится неременным условием успешности своей миссии. Им свойственны дихотомическое мышление, низкий уровень эмпатии, неспособность адекватной идентификации себя с окружающими, неуверенность в себе и за свое существование, наличие акцентуации или психопатизации личности, повышенная внушаемость, размытые границы между реальностью и фантазией, формирование соответствующей системы иррациональных, деструктивных, антигуманных ценностей [3, с. 110]. Большинство экспертов сходятся и в том, что женщину проще зомбировать, чем мужчину, легче принудить употребить психотропные и наркотические вещества и тем самым нацелить на совершение самоподрыва.

В заключение необходимо отметить, что легче всего в «живые бомбы» превращаются молодые женщины, потерявшие в тех или иных конкретных обстоятельствах своих близких и желающие отмщения (черные вдовы); подвергшиеся физическому и психическому насилию и опасаящиеся оглашения их позора; перманентно испытывающие чувство вины за те или иные собственные поступки; подвергшиеся психической обработке и внушению и т. д.

Мотивами самоубийственного поведения женщин-смертниц могут стать и стремление участвовать в борьбе за национальное освобождение; и желание отомстить за любимого человека, погибшего в ходе вооруженного конфликта; и стремление вырваться из сферы личной и обрести равноправный с мужчиной гражданский статус; и желание искупить совершенные грехи, караемые с точки зрения шариата; и воздействие наркотиков, манипуляция или индоктринация; ну и, конечно же, экономическая мотивированность, упование на получение ее семьей определенной компенсации.

В любом случае мотивация поведения женщины-смертницы находится далеко за гранью религиозного, в ней нет ничего собственно исламского, и это становится основной особенностью содержания «женского шахидизма» как военно-политической формы превращения исламского феномена.

Литература

1. Артюшкин А. «Невесты аллаха»: кто они? // Мир и согласие. – 2006. – № 1.
2. Ас-Сафир. – 1996. – 28 июля. – Режим доступа: <https://www.assafir.com/>
3. Бакин А.А., Липский Н.А. Террористки-смертницы (психолого-психиатрический и криминологический анализ) // Ученые записки Санкт-Петербургского университета имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2016. – № 1 (57).
4. Bloom M. Female suicide bombers. A global trend // Daedalus. – Cambridge. – 2007. – Vol. 136, № 1.
5. Добаев И.П. Исламистский «шахидизм»: мученичество или терроризм? // Мусульманский мир. – 2018. – № 2.
6. Нечитайло Д.А. Запал для «умной бомбы» // Газ. «НГ-религии». – 2009. – 16 сент.
7. Сейджмен М. Сетевые структуры терроризма. – М.: Идея-Пресс, 2008.
8. Чудинов С.И. Терроризм смертников: проблемы научно-философского осмысления (на материале радикального ислама) – М.: Флинта; Наука, 2010.
9. Toameh Kh.A. [Islam] Women may be terror suicide bombers. Muslim scholar-rules item 3421. – 2003. – 26 May // ReligionNewsBlog.com
10. Schweitzer Y. Suicide Bombing: The Ultimate Weapon? 2002, 7 August. – URL: <http://www.ict.org.il/articles/articledet.cfm?articleid=373>; Zedalis D.D. Female suicide bombers. 2004. – URL: <http://www.carlisle.army.mil/ssi/pdf/files/00373.pdf>.
11. <http://www.palestine=info.info>
12. Victor B. Army of roses: Inside the world of Palestinian women suicide bombers. – N. Y.: St. Martin's press, 2003.

Поступила в редакцию 24 января 2021 г.

UDC 297.1

DOI: 10.21779/2500-1930-2021-36-1-91-98

«Female Shahidism» as a Military-Political Transformation of the Islamic Phenomenon

M.Ya. Yahyaev

*Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala; M. Gadzhiev st., 43a;
muchtar59@mail.ru*

The article establishes that the leaders-inspirers of terrorism around the world deliberately give transformed forms to many Islamic phenomena, in which they acquire a new content quality and exist independently on the basis of a transformation that distorts the actual essence of the original phenomenon. One of such religious phenomena of our time is "female shaheedism" as a military-political and terrorist transformation of Islamic Shaheedism. In its transformed form, "female shaheedism" acquires a new quality, where the actual Islamic content is extremely "compressed" and pushed to the periphery. But the presence of religious elements in it in a filmed form allows many terrorist organizations around the world to present it as an Islamic phenomenon, used as a means of solving exclusively military-political issues that are far from the Islamic religion. The article also traces the conditions and

reasons why women turn into "living bombs", comprehends the motivation of their suicidal behavior. Among the motives of suicidal behavior of female suicide bombers, the author sees in the desire to participate in the struggle for national liberation; the desire to avenge a loved one who died during the armed conflict; the desire to escape from the personal sphere and gain an equal civil status with a man; the desire to atone for the sins committed, punishable from the point of view of Sharia; drug exposure, manipulation or indoctrination; economic motivation, the hope that her family will receive certain compensation. The motivation of the female suicide bomber's behavior is far beyond the religious, there is nothing actually Islamic in it, and this becomes the main feature of the content of "female shahidism" as a military-political form of the transformation of the Islamic phenomenon. All this allows us to confirm the conclusion: "female shaheedism" is a transformed form of Islamic Shaheedism, from which the Islamic essence itself is emasculated.

Keywords: *Islam, Shaheedist, Shaheedism, terrorism, "live bomb"*.

Received 24 January, 2021